

Социальные и политические конфликты в Латинской Америке

26 ноября 2015 г. Центр политических исследований Института Латинской Америки РАН (ПОЛИС ИЛА РАН) провел «круглый стол», посвященный проблеме стабильности в латиноамериканском регионе. Несмотря на то, что ситуация в Латинской Америке представляется сравнительно благополучной, в условиях мирового экономического кризиса большинство ее стран вступили в зону турбулентности. В этой связи участники дискуссии обсудили вопросы методологии изучения конфликтов и проанализировали основные конфликтогенные факторы (наркотрафик, проблемы миграции, массовые акции протеста и т.д.). Были проанализированы проблемы дестабилизации в ряде государств. Данная публикация включает содержание докладов и выступлений и дополнения к ним, сделанные позже.

Ключевые слова: социальные и политические конфликты, наркотрафик, стабильность, миграции, социальные протесты.

Заседание открыл д-р полит. наук *Збигнев Владиславович Ивановский*, руководитель Центра политических исследований ИЛА РАН и профессор факультета глобальных процессов МГУ им. М.В.Ломоносова. Ведущий выделил в качестве одной из ключевых проблему социальных и политических конфликтов, вызывающих дестабилизацию как в отдельных странах, так и в регионе в целом и подчеркнул, что конфликтогенность Латинской Америки имеет глобальные последствия.

Нельзя не отметить и многообразие конфликтно-консенсусных отношений. Специфика политических систем Латинской Америки влечет за собой появление феномена так называемой разделенной власти (*poder dividido*), когда ее ветви, прежде всего, законодательная и исполнительная, часто контролируются политическими силами, придерживающимися диаметрально противоположных взглядов на экономическую и социальную политику. В федеративных государствах, предусматривающих избрание губернаторов и мэров, часто возникают конфликтогенные отношения между центральной властью и отдельными субъектами федерации. Хотя после восстановления демократических режимов латиноамериканские армии находятся под контролем гражданских правительств, не исключается деятельность силовых структур как активных субъектов политики или, по крайней мере, как групп давления. Наиболее очевидна роль колумбийской армии как непосредственного участника внутреннего вооруженного конфликта, однако нельзя игнорировать и позиции силовых структур в других странах. Свое слово могут сказать военные в политически поляризованной Венесуэле, в Эквадоре на политическую арену выходили полицейские формирования, в Мексике при отсутствии внешней угрозы армия активно привлекается для борьбы с организованной преступностью, а в Гондурасе была одним из инициаторов смещения конституционного главы государства.

В условиях экономической стагнации и снижения уровня жизни в дестабилизирующий фактор превратились массовые акции протеста, наиболее активными участниками которых становятся представители средних городских слоев и молодежи. Продолжаются и выступления коренного населения, активно борющегося за свои права, в том числе и в странах с леворадикальными правительствами, уделяющими большое внимание проблемам индейцев. Требуют изучения радикально изменившиеся организационные формы социального протеста, ключевым мобилизационным фактором стали сетевые технологии, позволяющие мгновенно вывести на улицы миллионные массы без видимых политических лидеров.

К сожалению, в Латинской Америке наблюдается высокий уровень преступности, несомненным вызовом стабильности становятся проблема насилия и криминализация государства и общества. Дополнительные сложности создают наркотрафик и организованная преступность, равным образом как и постоянные коррупционные скандалы, сопровождающиеся реальным или потенциальным импичментом глав государств. Хотя ситуация в Латинской Америке несопоставима с тем, что происходит в Европейском союзе, проблема миграционных потоков тоже не снята с повестки дня. Внутриполитическую стабильность подрывают также межгосударственные противоречия и позиция некоторых субъектов мировой политики.

Очевидно, что вышеупомянутые проблемы требуют глубокой проработки и неслучайно находятся в центре внимания сотрудников нашего подразделения. Определенный вклад в их понимание внесла и проведенная дискуссия.

Д-р ист. наук, проф., главный научный сотрудник ИЛА РАН **Борис Иосифович Коваль** проанализировал социальный конфликт **в праксиологическом, этическом, теологическом и психоаналитическом измерениях**. В его докладе было отмечено, что феномен социальной конфликтности относится к классу главных закономерностей развития общества. Он нацелен на восстановление утерянного порядка или, что еще более важно, на утверждение нового. В данном случае политика рассматривается как особая форма разрешения конфликтов. К глубинным истокам политической конфликтности следует, по-видимому, как отметил докладчик, отнести социальное неравенство; геополитические притязания держав; войны и революции; борьбу за власть и против власти; кризис межрелигиозных отношений; миграционные процессы; обострение противоречий между государством и гражданским обществом; рост девиантных форм поведения; кризис морали, духовности и образования и др. (Этот перечень весьма условен, его можно видоизменять, выделяя и иные истоки конфликтности.)

Конфликт — явление динамичное, его цели и участники в ходе самой борьбы могут меняться. Вся жизнь общества есть постоянный конфликт, а не пассивное и застывшее состояние человеческой энергии.

Для раскрытия глубинной мистики и реальных смыслов конфликтов и политических процессов полезно было бы совместить четыре пласта анализа: праксиологический (практический), этический, теологический и психоаналитический. Насколько подобный подход окажется удачным, пока судить трудно, ибо мы находимся в начале пути.

Праксиологией называется наука о практике, т.е. о событиях реальной жизни, а не о наших рефлексиях о ней. Практический подход включает следующие главные требования к анализу конфликтности: сведения о времени и месте события, его масштабах и этапах развития, связях с реальными и субъективными условиями, числе участников конфликта, их отноше-

нии друг к другу, о наличии внутренних и внешних врагов, конкретных активных действиях каждого и общих результатах схватки. Какие-то оценочные суждения и выводы о тех или иных событиях каждый имеет право «придумывать» самостоятельно, а компетенция позитивистской науки ограничивается «чистой» информацией, считает ученый

В этическом измерении сам конфликт не содержит определенного морального смысла, ибо является только *формой*, а не *содержанием*. Главное — это оценка происходящего в соответствии с критериями «общечеловеческих ценностей», а точнее — религиозных и гуманистических традиций. Эти установки могут различаться в разных цивилизациях. Мораль отличается от прагматизма тем, что признает наличие и значимость некоторых надсубъектных и надклассовых ориентаций, к которым относятся, правда, честь и достоинство, справедливость, ответственность и др. Это не материальные, не политические, а моральные критерии, при помощи которых только и возможно оценивать все стороны социальной жизни людей.

Наиболее трудным моментом в характеристике конфликтов является проблема соприкосновения в них морали и антиморали. В этом контексте, по мнению швейцарского мыслителя, основоположника аналитической психологии Карла Густава Юнга, опасно излишнее «увлечение крайностями зла или добра».

Нельзя не коснуться и такой спорной темы, как «загадка имморализма», который представляет собой простирающаяся между абсолютным добром и злом пограничную полосу, в которой происходит реальная жизнь. Можно привести две точки зрения: одна вправе отрицать наличие какой-то средней (пограничной) полосы между моралью и антиморалью, другая с неменьшим основанием признает наличие зоны имморализма, признаки которого в наиболее яркой форме встречаются именно в конфликтных ситуациях.

Важной составляющей этического измерения является теологический подход. Его рассмотрение будет неполным для Латинской Америки, если обрисовать социальную доктрину католицизма и проигнорировать теологию освобождения. Христианское богословие, в том числе и католическое, рассматривает политику, как, впрочем, и другие жизненные процессы, как нечто производное от божьего провидения. Политическая власть призвана действовать, не нарушая библейских заповедей о добре и зле, любви и мире. Конфликт, даже самый мирный, лишь тогда оправдан, когда служит утверждению добра и умалению зла. Политика, согласно этой логике, представляет собой опасное поле такого противоборства, поскольку напрямую связана с проблемами власти и насилия.

После Второго Ватиканского собора (1962—1965) неожиданно проявилось расхождение между официальной доктриной Ватикана и так называемой теологией освобождения. Оно касалось вопросов, относящихся к политической мирской жизни и роли в ней церкви. Теология освобождения нацелена на полное освобождение всех и каждого не только путем евангелизации, воцерковления и молитвенного благоговения, но и путем открытых и активных действий, в том числе политических и даже насильственных, способных освободить существующее общество от зла и несправедливости, от бедности и неравенства, от угнетения и лжи. Теологи освобождения хотели очеловечить жизнь в соответствии с Божьим замыслом и учением Христа в рамках мира, любви и согласия. Десятки и сотни тысяч прихожан составили большой отряд активных христиан-патриотов и революционеров-освободителей. Они смотрели на социальные конфликты не с высот Ватиканского холма, а горячо и самоотверженно, многие с оружием

в руках сражались против реакции. Во многом благодаря их героическим усилиям Латинская Америка превратилась в континент, где развиваются современные демократические государства.

По мнению выступавшего, при рассмотрении психического фактора в политическом срезе не обойтись без понятия метапсихии, которая является неким обобщенным символом более или менее устойчивой синергии психики и разума, всех энергий внутреннего мира нации. Такой подход позволяет обнаружить и оценить психику в качестве активного и во многом самостоятельного фактора политики. Эволюция метапсихии относится к классу парадигмальных перемен на высших этажах общей экзистенции общества.

Общую структуру континентального метапсихизма можно уподобить многослойному пирогу, в основе которого — страдательное психическое напряжение автохтонного населения и привезенных из Африки рабов, сплетенное с энергией миграции свободных людей из Европы. Новый пласт формируется духом патриотизма, зародившимся в период завоевания независимости. Основу следующего слоя составляет противоборство коммунистических и фашистских сил, увенчавшееся культом революционных сил, символами которого стали Эрнесто Че Гевара и Фидель Кастро. Однако современный пласт приобрел особый характер и смысл, сменилась вся парадигма метапсихики: истощилась «революционная потенция» пролетариата, а сам он слился со средними городскими слоями; сошли со сцены массовые компартии и «красные» профсоюзы; «почила в бозе» строго очерченная идеология; под влиянием научно-технической революции и глобализма произошли глубокие перемены во всей системе производственных отношений; благодаря Интернету стали формироваться горизонтальные связи между гражданами; углубилось и стало более масштабным состояние *ressentiment* и разочарования; нарастает потребность в достижении социальной справедливости; велико воздействие религиозной веры, причем протестантизм из-за своего более прагматического характера все ярственнее вытесняет католицизм.

Все эти тенденции разворачиваются одновременно, образуя горячий котел многообразных психических настроений. Можно утверждать, что общественное бытие в масштабах всего континента переживает время глубочайшего психоморального и ментального преобразования и кризиса. Особую роль в этом процессе играет человеческий фактор, чрезвычайно важна роль политической власти. Именно она призвана формировать стратегический путь развития конкретных стран в новых условиях мировой истории. Сумеет ли Латинская Америка найти свой путь к свободе и счастью, покажет будущее.

Канд. полит. наук, ведущий научный сотрудник ИЛА РАН **Людмила Владимировна Дьякова** посвятила свой доклад **исследовательским интерпретациям конфликтности и стабильности современной латиноамериканской демократии**. Отмечая постепенное преодоление фундаментального для политической традиции конфликта между авторитаризмом и демократией и завершение перехода к демократическим режимам в большинстве государств региона, современные политологи-латиноамериканисты выделяют ряд серьезных проблем, связанных с реальным функционированием демократии наших дней.

Это вопросы, касающиеся деятельности политических институтов, в первую очередь, государства и партий. Традиционные партии нередко оцениваются как консервативные, застрявшие в прошлом организации, не отвечающие запросам общества, все более заинтересованного в новых ценностях и моделях поведения. Они не представляют интереса для молодежи

и не учитывают новые формы молодежной политической активности, особенно на фоне процесса сужения сферы влияния традиционного гражданского общества. (Среди наиболее известных сторонников подобных взглядов заслуживают упоминания чилиец Артуро Валенсуэла, испанские политологи Флавия Фрейденберг, Мануэль Алькантара, Карлос Маламуд, аргентинец Даниэль Соватто и др.) В то же время специалисты отмечают активизацию новых социальных, особенно молодежных, протестов и движений, охвативших большинство стран региона (их представители — бразилец Родриго Нунес, аргентинец Пабло Воммаро, итальянец Массимо Модонези). События последних лет дали основание говорить о появлении нового субъекта политики — «борющегося поколения» («*generación militante*»), по образному выражению профессора Папского католического университета Рио-де-Жанейро Родриго Нунеса). Влияние этого фактора на политическую стабильность демократических режимов и на перспективы развития демократии пока еще не до конца оценено и может оказаться весьма противоречивым.

В числе приоритетных тем — влияние экономического кризиса и социальных факторов на стабильность демократии, социальные проблемы, роль политики государства в укреплении доверия общества к демократическому режиму (чилийка Марта Лагос, Карлос Маламуд, Даниэль Соватто, эквадорец Симон Пачано, испанец Федерико Стейнберг и др.). В то же время многие исследователи, подчеркнула докладчик, отмечают, что целенаправленная социальная политика государства, сыгравшая значительную роль в формировании позитивного отношения к демократии, не смогла, даже за 20-летний период, решить все накопившиеся проблемы. В условиях нынешнего экономического кризиса это неизбежно ведет к ухудшению социальных показателей и росту социального пессимизма.

По мнению мексиканского политолога и политического деятеля Хорхе Кастаньеды, важнейшим в современной дискуссии о демократии является вопрос о «пугающих слабостях», свойственных демократической системе (речь идет о бюрократизации и неэффективности государства, формализме, коррупции, росте уровня насилия и преступности, завышенных социальных ожиданиях и, соответственно, разочаровании части общества).

Новые подходы к исследованию наркоопасности и политических рисков нашли отражение в докладе канд. ист. наук, ведущего научного сотрудника ИЛА РАН **Виктора Николаевича Лунина**, который отметил, что изучение конфликтных и стабилизационных факторов политического развития в теоретическом плане должно опираться на новый научный инструментарий. Подобный подход позволит более точно определить достижения или недостатки практической политики государств в той или иной области. Речь идет о новых параметрах измерения динамики и направленности различных процессов, что дает возможность вносить корректировки для предотвращения роста социальной напряженности.

Необходимость применения новых инструментов возникла в связи с недостаточностью исключительно экономических методов для принятия политических решений. Более того, обострение вопросов, связанных с защитой окружающей среды, и социальных проблем в ряде регионов мира, включая и Латинскую Америку, выявило недостатки системы традиционных национальных подсчетов, базирующейся на оценке валового внутреннего продукта или его эквивалента в пересчете на душу населения. Важно иметь в виду, что ВВП не учитывает вред, наносимый природе при экономическом росте, возможности более справедливого распределения национального дохода, истощаемость в перспективе невозобновляемых нату-

ральных ресурсов, что приводит к обострению социальных противоречий и в конечном счете не позволяет экстраполировать экономический рост. В этой связи в дополнение к ВВП была разработана целая серия новых показателей — индексы устойчивости окружающей среды, результативности положительного воздействия на нее, устойчивого экономического благосостояния, реального прогресса, процветания и другие. Значение новых параметров измерения развития в природной области, в частности, связано с необходимостью перехода на современные технологии, берегающие природу и обеспечивающие «зеленый рост» на базе возобновляемых ресурсов.

В социальной сфере наиболее известен индекс человеческого развития, используемый «Программой развития ООН». Наряду с ним появляются и другие показатели, позволяющие с разных сторон рассмотреть процессы развития, — индексы устойчивости общества, счастья, миролюбия и т.п. Общество не существует в одном измерении, поэтому важен многомерный анализ его состояния. При этом многие индексы часто пересекаются, что позволяет уточнять особенности развития страны, восполнять недостаток информации, характерный для ряда областей. В то же время для определения долгосрочных тенденций в той или иной сфере необходим мониторинг параметров. Именно эту функцию и выполняют разработчики разных систем измерения процессов. Наука становится мерилom стабилизации преобразований и индикатором необходимости принятия новых мер, отметил выступавший.

Новая методология стала использоваться и в изучении наркопроблемы. В частности, в Колумбии с помощью Управления ООН по наркотикам и преступности были разработаны индексы угрозы и консолидации, играющие важную роль при оценке результатов борьбы с наркотрафиком. Диверсификация индексов дает возможность внести коррективы в политический курс. Это становится особенно актуально для Колумбии в связи с резким увеличением (впервые с 2007 г.) посевов под коку с 48 в 2013 г. до 69 тыс. га в 2014 г.

Зависимость от конфликтогенных и стабилизационных факторов была отмечена в одном из исследований Организации американских государств (ОАГ), где использовались следующие переменные: «коэффициент Джини», измеряющий уровень социального неравенства, доля (в %) населения в возрасте 18—24 лет и доля мальчиков и девочек, не посещающих школу. Для изучения преступности применялись показатели убийств и ограблений за период 2000—2012 гг. Благодаря комплексному подходу была установлена зависимость между коэффициентом Джини и количеством убийств и ограблений. Так, при сокращении этого коэффициента на 1% число убийств в среднем для Латинской Америки уменьшается на 35%, а при увеличении численности молодых людей, не посещающих школу, количество краж в среднем возрастает на 30%. Следовательно, усилия по снижению уровня преступности должны сопровождаться сокращением социального неравенства как внутри отдельных государств, так и между ними.

Разумеется, научная ценность новых индексов не всегда сопоставима, однако расширение инструментария, отражающего не только экономические показатели, позволяет делать сравнения между странами, субрегионами и регионами по экономическим, социальным, политическим параметрам, что придает исследованию не только новизну, но и убедительность аргументации. Нельзя не отметить, что использование новых методик активно распространяется и в самих латиноамериканских странах, что обусловлено принятием Генеральной ассамблеей ООН в 2015 г. амбициозной программы для всего мирового сообщества, фундаментом которой является

ся устойчивостью развития. Эта программа стала продолжением и совершенствованием целей развития, сформулированных ООН в 2000 г. в ее «Декларации тысячелетия».

Канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник ИЛА РАН **Эмиль Суренович Дабяган** проанализировал **проблему массовых выступлений граждан**, выражавших недовольство различными аспектами деятельности властей, а также модель реагирования администраций на социальные протесты. По мнению докладчика, подобные выступления являются нормой, неотъемлемым элементом политической жизни демократического общества и подталкивают правительства к принятию давно назревших решений. На этой основе можно выявить характер существующего режима, выяснить, имеется ли реальное разделение властей, соблюдаются ли права человека, свобода собраний и демонстраций.

Данное положение было проиллюстрировано конкретными примерами. Так, в Бразилии в преддверии Чемпионата мира по футболу 2014 г. десятки тысяч людей выходили на улицы крупных городов с требованиями сократить непомерные расходы на строительство и модернизацию дорогостоящих спортивных объектов и направить сэкономленные средства на сооружение школ и больниц, развитие общественного транспорта в мегаполисах, прежде всего в Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро. Власти сочли выдвинутые требования законными, о чем заявила президент страны Дилма Руссефф. Ее предшественник Луис Инасиу Лула да Силва также подчеркивал, что социальные протесты не означают конца политики, а напротив, отражают необходимость расширения демократии, увеличения гражданского участия, обновления политики и более внимательного отношения к повседневным нуждам людей. Особенность этих выступлений состоит в том, что их мотором являлся креативный средний класс, сравнительно недавно быстро вышедший из низшей страты и имеющий завышенные социальные ожидания.

В Чили длительное время продолжают (то затихая, то вспыхивая с новой силой) акции молодежи, требующей предоставления бесплатного высшего образования. В этой стране демократические правительства унаследовали от диктаторского режима дискриминационный закон, затрагивавший интересы семей, не имеющих достаточных средств на удовлетворения жизненно важных потребностей. Власти серьезно отнеслись к нуждам молодого поколения, вели с ним непрерывный уважительный диалог и удовлетворяли ряд требований. В многочисленных манифестациях принимали участие и дети президента Мишель Бачелет. После повторного избрания на пост главы государства она намерена окончательно решить этот болезненный вопрос. Далеко неслучайно, что на выборах 2013 г. избиратели поддержали четырех видных студенческих активистов, баллотировавшихся в нижнюю палату парламента. Выступления молодежи всколыхнули значительную часть общества, солидарность с ней проявили шахтеры и другие представители рабочего класса.

В ходе президентских выборов 2012 г. в Мексике вспыхнуло выступление студентов, опасавшихся, что победа Энрике Пеньи Ньето и возвращение к власти Институционно-революционной партии, ранее доминировавшей на политической арене длительное время, может препятствовать консолидации плюралистической демократии. Активность молодежи принесла определенные плоды: после вступления в должность глава государства предложил ведущим партиям заключить «Пакт во имя Мексики», после чего акции протеста на некоторое время прекратились.

В Перу в январе 2015 г. под мощным давлением молодежи, выразившей решительный протест в отношении «Закона о трудовой деятельности» юношей и девушек, парламент вынужден был отменить этот дискриминационный акт, что явилось сильнейшим ударом по правительству, разработавшему документ.

В Уругвае в августе 2015 г. по инициативе ведущего профсоюзного объединения состоялась 24-часовая всеобщая забастовка, парализовавшая практически всю деловую жизнь. В числе требований фигурировали повышение заработной платы, улучшение условий труда, снижение инфляции и ряд других. Большинство из них президент Табаре Васкес счел разумными, а часть отверг как популистские и не соответствовавшие уровню экономического развития страны. Впоследствии глава государства обнародовал масштабную программу социального диалога, предусматривавшую укрепление конструктивных отношений между властью и обществом во имя дальнейшего поступательного развития страны.

В Венесуэле недовольство значительного числа граждан вызвали итоги внеочередных президентских выборов 2013 г., на которых победу одержал официальный кандидат Николас Мадуро. Попытки объединенной оппозиции добиться тотального пересчета голосов не увенчались успехом, что вызвало протестную волну. Антиправительственные выступления усилились в результате катастрофического экономического положения. Против манифестантов были брошены отряды полиции, в итоге с обеих сторон имели место человеческие жертвы, десятки протестующих были ранены и сотни арестованы. По обвинению в нарушении закона при организации массовых акций протеста к длительному тюремному заключению был приговорен видный оппозиционный политик Леопольдо Лопес, позже обвинения в заговоре с целью свержения президента были предъявлены мэру Каракаса Антонио Ледесме. Это обстоятельство породило движение международной солидарности, свыше тридцати бывших глав государств и правительств потребовали освобождения всех заключенных и призвали противоборствующие стороны начать переговоры без предварительных условий.

Резюмируя, выступавший отметил: указанные примеры подтверждают, что правящим кругам необходимо прислушиваться к общественному мнению, в противном случае неизбежны трудности, чреватые непредсказуемыми последствиями.

Канд. ист. наук, старший научный сотрудник ИЛА РАН **Эмма Евдокимовна Кузнецова** посвятила выступление **проблемам молодежи региона**, которым в последние два десятилетия латиноамериканские государства уделяют все больше внимания. Следует отметить, что государственные расходы на молодежь увеличились, хотя и остаются весьма скромными (2012 г. — по 19 странам в среднем 13,8% от государственных социальных расходов, что составляет лишь 2,64% от ВВП).

Изменились и подходы государства к решению молодежных проблем, которое раньше ограничивалось изданием нормативных актов по финансированию проектов и распределением материальной помощи молодым, а теперь перешло к различным формам диалога и взаимодействия с молодежью, признавая ее (хотя часто формально) актором социально-экономического развития. В начале нового века в наиболее развитых странах региона подобный подход соответствовал изменению социальной политики, означавшей переход от тактики выживания к стратегии развития. Государство стало активнее влиять на молодежь, учитывать выбор ею методов защиты своих интересов. Это стало особенно важно в условиях роста политической активности молодежи в Чили, Мексике, Уругвае, Венесуэле и Перу.

Важное место в молодежной политике занимает разработка новых программ и дополнений к уже существующим с учетом возраста, пола, национальности и социального положения, при этом в отдельных случаях объявляется о совместных действиях власти и представителей молодежи. Так, в Перу закон 2006 г. установил обязательное участие кандидатов от молодежи в провинциальных и муниципальных выборах. В Уругвае в 2010 г. принята программа «Фонд молодежных инициатив», предоставившая право выдвигать свои проекты для решения общенациональных проблем. В Чили с 2011 г. действует программа «P.A.I.S», которая оказывает помощь в решении социальных проблем, финансовую и техническую поддержку молодым предпринимателям. В Колумбии с 2013 г. вступила в силу национальная служба, созданная в рамках президентской молодежной программы для диалога молодежных организаций с государственными органами.

Наибольшее число молодежных программ посвящено проблемам образования, цель которых — повысить его качество, увеличить охват полным средним образованием и сделать его доступным для выходцев из малообеспеченных слоев, содействуя тем самым снижению уровня социального неравенства. Одна из главных задач многих образовательных программ (Мексика, Коста-Рика, Аргентина, Панама, Чили, Венесуэла и др.) — распространение компьютерной грамотности, что позволяет молодым найти достойную работу. Не менее важна и другая задача образовательных программ — подготовка к выходу на рынок труда, поскольку безработица среди молодых значительно выше, чем в обществе в целом.

Таким образом, стабилизации общества способствует более активный диалог государства с молодежью, хотя, по мнению последней, это взаимодействие пока носит ограниченный характер. Как считают исследователи UNESCO, на практике государство занимает в этом диалоге жесткую позицию, рассматривая молодежь как группу риска, как пассивных пользователей, что отталкивает молодых от более тесного сотрудничества.

В своем докладе канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник ИЛА РАН **Надежда Юрьевна Кудеярова** сосредоточилась **на условиях и проявлении конфликтогенного свойства миграций.**

В настоящее время наблюдается резкое обострение ситуации, связанной с миграцией в Европе, выражающееся, в том числе, и во всплеске стандартных стереотипов и страхов. Географически этот очаг расположен далеко от исследуемого нами региона, но происходящие события наглядно демонстрируют уровень конфликтогенности миграционного феномена.

Политизация миграционного вопроса становится одним из ярких проявлений взаимосвязи этого социального явления с восприятием проблем безопасности граждан и национальной безопасности, растущим социокультурным многообразием. Даже в странах Западного полушария, созданных благодаря иммигрантам, выработка соответствующей политики представляет собой серьезную задачу.

В докладе были подробно проанализированы структурные элементы миграционного процесса с целью более четкого представления его конфликтогенного потенциала. В современном мире основной формой миграции стало экономически детерминированное перемещение людей. Независимо от целей и продолжительности срока, каждый акт миграции состоит из трех базовых элементов: места отправки, пункта назначения и транзита — промежуточного набора препятствий, включающего преодоленное расстояние. Миграции оказывают влияние на ситуацию в странах-донорах, транзитерах и реципиентах, на каждой из этих стадий можно выделить комплекс потенциально конфликтогенных аспектов.

В странах происхождения особую роль играют факторы, усиливающие миграционное давление, в первую очередь — демографические, связанные с высоким уровнем рождаемости. На рост выездных настроений влияют показатели уровня бедности, социального неравенства, дисбаланс сфер формальной и неформальной занятости, физическая и социальная незащищенность. С развитием глобализации миграция стала одним из механизмов, адаптирующих местный рынок труда к новой фазе транснационализации рабочей силы. В результате именно экономические факторы стали определять мотивацию к миграции. В стране-доноре эмиграция является своеобразным социальным клапаном, снижающим давление на рынке труда и в социальной сфере, и не содержит в себе прямого конфликтного потенциала.

В Западном полушарии основным центром миграционного притяжения являются США, наиболее сильное влияние испытывает ближний круг стран — Мексика, государства Центральной Америки и Карибского бассейна. На стадии транзита важной становится характеристика легальности/нелегальности миграции. Чем выше уровень нелегального передвижения, тем выше вероятность криминализации миграции. Ярким примером является феномен «вертикальной границы» — транзит в США мигрантов по территории Мексики из стран Центральной Америки.

Транзитная миграция сопряжена с транспортировкой наркотиков, контрабандой оружия и другими формами преступной деятельности. Контроль над нелегальными потоками осуществляют транснациональные криминальные сообщества, пытающиеся подменить законные власти, что ведет к росту насилия. В результате криминализации транзитная миграция остается тяжелой проблемой как для самих мигрантов, так и для властей, призванных регулировать миграционные потоки и обеспечивать безопасность. Однако, несмотря на насилие, угрозы вовлечения в сети проституции и торговли людьми, риск попасть в ряды наркокартелей, нелегальный транзитный миграционный поток не сокращается. В совокупности это увеличивает конфликтность на территории стран, задействованных на данной стадии миграционного процесса.

Основное проявление конфликтного потенциала миграции можно наблюдать именно в странах-реципиентах, где он проявляется в нормативно-ценностной и этнокультурной плоскости. Большую роль играют численность и отсутствие ассимиляции мигрантов. В качестве яркого примера можно привести латиноамериканцев в США. Активный их приток связывается с обострением проблем безопасности и крахом традиционных ценностей. Некоторые тезисы небезосновательны. Так, например, банды «марас-сальватручас» появились в США после массового приема беженцев в период центральноамериканского конфликта 1980-х годов, и они прочно вошли в криминальную структуру североамериканского общества.

Массовая миграция латиноамериканцев, прежде всего мексиканцев, в США привела к значительному увеличению их доли в населении Юго-Западных штатов. Например, в Калифорнии они составляют 39% ее жителей. В ряде штатов (Калифорния, Нью-Мексико, Техас) фактически установлено двуязычие. Однако тенденция закрепления статуса испанского языка на территории США не получила дальнейшего развития, что отражает тревогу, с которой воспринимается активное увеличение численности испаноязычного населения для цивилизационной и культурной основ североамериканского общества. Особенно ярко эта проблема формулируется в дискурсе сторонников крайне консервативной линии Республиканской партии, отмечающих, что мексиканцы намерены сохранить свой язык и

верность Мексике, не хотят ассимилироваться, и нация больше от них этого не требует. Ожидаемое от мигрантов принятие ценностей принимающего общества на практике не ведет к ассимиляции и порождает ярые споры о пределах миграционного притока и ужесточении соответствующих законодательных норм.

В заключение докладчик приходит к выводу, что в рамках Латинской Америки миграции не провоцируют острых социально-политических конфликтов, поскольку происходят в регионе со сходными этническими и социокультурными характеристиками. В странах-донорах миграции не содержат в себе конфликтогенный потенциал, но на стадии транзита ядром становится криминализация миграционных потоков. Наибольший уровень конфликтности приходится на те принимающие общества, где наблюдаются значительный рост численности мигрантов, нелегальные потоки, а устойчивые криминальные группы являются причиной формирования этнических и нормативно-ценностных конфликтов.

Ряд докладов был посвящен ситуациям в конкретных странах. Д-р полит. наук, проф. **З.В.Ивановский** остановился на **проблеме урегулирования внутреннего вооруженного конфликта в Колумбии**, продолжающегося более пятидесяти лет и дестабилизирующего ситуацию как в этой андской стране, так и в соседних государствах.

В Колумбии исторически существовало множество военно-политических организаций различной идеологической ориентации. На данный момент эти формирования представлены Революционными вооруженными силами Колумбии (Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia, FARC), возникшими в свое время как вооруженное крыло компартии, однако занявшими независимые от нее позиции, и геваристской Армией национального освобождения (Ejército de Liberación Nacional, ELN). По разным оценкам, их численность составляет соответственно от 7 до 8 и от 1,5 до 3 тыс. человек. Сторонники левых взглядов считают FARC и ELN вооруженной оппозицией правительству, ведущей борьбу за справедливое общество, а их идейные оппоненты убеждены, что марксистской идеологией прикрываются боевики-террористы, связанными с наркотрафиком. Этой же точки зрения придерживаются США и Европейский союз. Очевидно, что в рамках герильи есть обе составляющие, соотношение между которыми меняется в зависимости от конкретной ситуации. Часть партизан по-прежнему придерживается леворадикальных взглядов и представлена убежденными борцами за «социализм по-колумбийски». В то же время в поисках источников финансирования партизаны прибегают к контролю за производством и поставками кокаина, широко используют вымогательство и захват заложников, в число которых попадают не только представители силовых структур, но и известные политики и просто состоятельные граждане.

За полвека колумбийские правительства использовали как силовые, так и политические методы, однако к началу нынешнего десятилетия в очередной раз сложилась патовая ситуация. В ноябре 2012 г. президент Хуан Мануэль Сантос, занимавший пост министра обороны в предыдущем правительстве и непосредственно руководивший операцией по подавлению герильи, сменил тактику, признал партизан субъектом внутреннего вооруженного конфликта и пошел на переговоры с FARC. Гарантами мирного процесса стали Куба и Норвегия, в качестве наблюдателей выбраны Чили и Венесуэла. Переговоры начались в Гаване за закрытыми дверями, своего рода «дорожная карта» включает пять пунктов: разработку комплексного плана развития сельского хозяйства (в том числе и более эффективное распределение земельной собственности и создание инфраструктуры в отда-

ленных районах); возможность политического участия герильи; решение проблемы наркотрафика; создание комиссии по установлению истины; разоружение вооруженных формирований и интеграция их участников в мирную жизнь. Переговоры нашли положительный отклик среди части колумбийского социума и в международном сообществе. За установление мира высказались ООН, ОАГ, Ватикан, госдепартамент США и все страны региона независимо от их политических режимов.

Против переговоров выступили экс-президент Альваро Урибе (2002—2010), созданный им «Демократический центр» и его союзники. По их мнению, обсуждать перспективы развития страны с террористической группировкой, а с крупнейшим наркокартелем — проблемы борьбы с наркотрафиком неправомерно. Острой критике подвергся и выбор Венесуэлы в качестве наблюдателя. Как показывают соцопросы, скептически относятся к переговорам и значительная часть рядовых граждан. Тем не менее в результате крайне сложных переговоров, продолжающихся с перерывами более трех лет и неоднократно находившихся на грани срыва, удалось достичь компромисса по четырем из пяти пунктов повестки дня (все достигнутые соглашения должны будут действовать в пакете и вступят в силу только после окончательного подписания мирного соглашения).

Достижению договоренности по первому вопросу в значительной мере способствовал принятый еще до начала переговоров «Закон о жертвах и возвращении земельной собственности». Для восстановления справедливости решено предоставить денежную компенсацию всем пострадавшим от конфликта, аннулируется право на земельную собственность, захваченную насильственным путем, устраняются юридические препятствия на пути возвращения земель их законным владельцам. (Число жертв конфликта достигает 7 млн человек, а общая площадь указанных участков — 6 млн га.)

В ноябре 2013 г. удалось подписать соглашение о будущем участии герильи в политической жизни и о ее возможном преобразовании в легальную политическую партию. Для реализации этого запланировано создать Советы по примирению и сосуществованию. Определенные изменения вносятся и в избирательную систему: для включения в политический процесс населения, проживающего на территориях, охваченных конфликтом, будут образованы специальные временные избирательные округа; предполагается обеспечить всеобъемлющую систему безопасности для участников политического процесса, определить их права, обязанности и свободы.

Наиболее сложными и продолжительными оказались переговоры относительно борьбы с наркотрафиком, продолжавшиеся с ноября 2013 по май 2014 г. В совместном коммюнике отмечается связь между торговлей наркотиками и вооруженным конфликтом, хотя и подчеркивается, что последний появился задолго до возникновения этой проблемы. В случае завершения конфликта FARC обязуются разорвать любые связи с производителями и потребителями наркотиков, а правительство — бороться с незаконным обогащением, отмыванием денежных средств и коррупцией. Предлагаемые методы борьбы с наркотрафиком включают замещение наркосодержащих культур альтернативными, государственную поддержку крестьянам и фермерам, снижение спроса на наркотики, развитие системы здравоохранения и в конечном счете прекращение производства и продажи наркотиков. В документе отмечается также связь наркомании и наркотрафика с проблемой бедности, маргинализации, слабой работой государственных институтов и деятельностью организованной преступности.

Очередным итогом мирных переговоров стало подписание в июне 2014 г. совместного коммюнике, признающего ответственность обеих сторон за наличие многочисленных жертв конфликта, неоспоримость их прав и необходимость участия в компенсации ущерба пострадавшим (раньше FARC не признавали своей вины в развязывании насилия). После этого была создана Комиссия по установлению истины, которая заслушивает в качестве свидетелей самих жертв или их представителей.

Непростыми оказались вопросы о включении партизан в мирную жизнь и о правосудии на переходный период. 23 сентября 2015 г. в Гаване состоялась историческая встреча президента Х.М.Сантоса и руководителя FARC Родриго Лондоньо (Тимолеона Хименеса, «Тимошенко»). Представители противоборствующих сторон впервые пожали друг другу руки и выразили готовность подписать итоговый документ до конца марта 2016 г. (впоследствии обе стороны не исключили возможности в случае необходимости продолжить переговоры и после первоначально определенного срока). Накануне встречи в кубинской столице в качестве жеста доброй воли правительство амнистировало 30 из 106 партизан, отбывающих тюремное заключение. Для ускорения процесса переговоров были созданы работающие параллельно комиссии, в качестве личного представителя президента был назначен его брат Энрике Сантос.

К началу 2016 г. делегации договорились о действии особого законодательства на переходный период, в соответствии с которым преступления, совершенные участниками конфликта, будут рассматриваться колумбийскими и зарубежными судьями в особом порядке. Предполагается объявить амнистию лицам, невиновным в серьезных нарушениях прав человека. Максимальный срок виновникам преступлений, демобилизовавшимся в течение двух месяцев после подписания мира и признавшим свою вину, устанавливается в восемь лет (в противном случае наказание может составить до 20 лет). Силловые структуры и партизаны выразили готовность совместно проводить разминирование территории.

Для контроля за соблюдением мирного соглашения решено создать трехстороннюю комиссию в составе представителей противоборствующих сторон и международных наблюдателей, в качестве которых, по единогласному решению Совета безопасности ООН, выступят представители Сообщества стран Латинской Америки и Карибского бассейна (Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, CELAC). Традиционно миротворцами не могут быть представители стран, имеющих границы с постконфликтным государством (в данном случае речь идет об Эквадоре, Перу, Венесуэле, Бразилии и Панаме). Участники переговоров определяют специальные районы для прекращения огня и сдачи оружия. В это же время Луисиано Марин Аранго (Иван Маркес), возглавляющий делегацию партизан на переговорах, обратился к ЕС с предложением исключить FARC из списка террористических организаций. Некоторые представители европейских стран предложили оказать финансовую помощь Колумбии для ликвидации последствий конфликта.

Пока остаются нерешенными технические проблемы и логистика последнего этапа мирного процесса, в частности, границы демилитаризованных районов, разоружение партизан, гарантии их личной безопасности и контроль за соблюдением процесса прекращения огня. Некоторые парламентарии выступают за проведение общенационального плебисцита по итогам завершения переговоров, в то время как отношение к этой процедуре среди сторонников мирного процесса неоднозначно. Кроме того, представители противоборствующих сторон по-разному интерпре-

тируют многие пункты достигнутых соглашений. Все эти факторы осложняют перспективы подписания окончательного соглашения с FARC в намеченные сроки.

Определенные подвижки наметились и в отношениях с ELN. Конфиденциальные переговоры с геваристами ведутся с конца 2013 г., 28 января 2016 г. на очередной сессии CELAC Х.М.Сантос объявил о скором переходе дискуссии в открытую фазу.

Подводя итоги, докладчик отметил, что пока на пути подписания окончательного соглашения и особенно на пути его практической реализации остается немало подводных камней. Тем не менее, впервые за 50 лет забрезжил свет в конце туннеля. Безусловно, даже в случае прекращения вооруженного конфликта в Колумбии остается множество нерешенных проблем, однако потенциальное перераспределение военных расходов в пользу социальных позволит повысить благосостояние граждан, в стране продолжится снижение уровня насилия, положительные сдвиги возможны и в борьбе с наркотрафиком.

Д-р ист. наук **Юлия Ивановна Визгунова** проанализировала **истоки и современное состояние социально-политического конфликта в Мексике**. В этой стране с давними демократическими традициями накоплен опыт урегулирования социально-политических конфликтов на основе компромиссов и соглашений между властью и обществом. На рубеже XX—XXI вв. гражданское общество сыграло значительную роль в процессе демократических электоральных реформ, которые привели в 2000 г. к смене конституционно-авторитарного гиперпрезидентского режима и поражению Институционно-революционной партии (Partido Revolucionario Institucional, PRI) на выборах. Избрание впервые за 70 лет президента от оппозиции — правоцентристской Партии национального действия (Partido Acción Nacional, PAN) и укрепление в стране многопартийной системы (PAN, PRI, Партия демократической революции (Partido de la Revolución Democrática, PRD), а также ряд небольших партий) стали поворотным событием в политической истории Мексики. Открылись возможности для проведения структурных реформ государственных институтов как необходимого фактора управления демократическим развитием и построения правового государства.

В то же время на этом пути страна столкнулась с серьезными трудностями. Являясь частью глобальных процессов перехода к инновационным формам развития, Мексика испытывала на себе сложные и неоднозначные последствия эволюции общественных отношений, которые усугублялись сохранившейся старой политической культурой, основанной на идеях «революционного национализма» PRI и архаичных формах патернализма и корпоративизма, нередко проявляющихся в форме клиентелизма, коррупции и даже «касикизма». Все это имело место на фоне углубления общественного расслоения, имущественного неравенства и поляризации многих интересов в условиях неолиберальной рыночной экономики и мировых финансово-экономических кризисов. Усиление конфликтов интересов, связанных с перераспределением собственности на средства производства и власти, повлекло за собой возникновение новых вызовов и противоречий, в частности, имеющих отношение к такому опасному явлению, как расширение сфер влияния наркобизнеса и рост организованной преступности. Эти факторы усложняли и тормозили процесс трансформации государственных институтов, их адаптацию к новым реалиям и ценностям, к назревшей в стране острой потребности ограничения роста социального неравенства, безработицы, бедности населения и обеспечения общественной безопасности.

По результатам исследований, проведенных ассоциацией «Latino-barómetro» в 2015 г. в 18 странах региона, Мексика входит в число 12 из них, где защита граждан от оргпреступности, связанной с наркобизнесом, рассматривается населением как первостепенная национальная проблема. Мексиканские ученые тесно увязывают ее с коррупцией, прежде всего с «горизонтальной», которая в последние 15 лет наложилась на традиционную «вертикальную» — в форме своеобразной пирамиды, состоящей из нижних и верхних эшелонов власти. Коррупция приобрела широкие масштабы после того, как по инициативе правительства PAN во главе с президентом Висенте Фоксом (2000—2006) был принят закон о финансовой независимости губернаторов и глав муниципалитетов, в соответствии с которым им стали выделяться значительные ежегодные денежные квоты из госбюджета без налогов и отчетности перед федеральной властью. Бесконтрольное использование государственных денежных средств, в том числе в избирательных кампаниях, повлекло за собой не только обогащение административных чиновников на местах, но и их вовлечение в наркобизнес, сближение с преступными группировками и особенно внедрение последних в местные органы власти. Убийства, исчезновения людей, кровавые разборки нарушили жизнь в ряде южных штатов, где проживает бедное население (Мичоакан, Герреро, Оахака), а затем распространились и на другие штаты. Проблема преступности стала исключительно серьезной для всей страны и ее развития.

Как известно, правительство президента Энрике Пеньи Ньето, избранного от PRI в 2012 г., взяло курс на ускорение интегральной реформы государственных институтов. Ему удалось заключить соглашение с руководством трех основных политических партий — PRI, PAN, PRD («Пакт ради Мексики»), который включил в себя взаимные обязательства участников провести реформирование государственных институтов по пяти важнейшим направлениям. Это позволило в течение года принять программы большей части реформ (11 из 13) на основе внесения поправок в Конституцию, преодолев таким образом противоречия в парламенте при отсутствии у правящей PRI абсолютного большинства. Эти успехи повысили рейтинг президента Э.Пеньи Ньето почти до 57% и улучшили имидж Мексики за рубежом. Однако выход из пакта PRD в конце 2013 г. из-за ее несогласия допустить частный капитал в нефтяную компанию «Petróleos Mexicanos» и последовавший за этим распад пакта осложнили проведение реформ. Принятие регулирующих законов растянулось на многие месяцы, при этом нередко выхолащивалось и содержание самих реформ. В результате трансформация государственных институтов оказалась на данном этапе малоэффективной. Значительно возросло недоверие общества к правительству, которое усугубилось его неспособностью обеспечить общественную безопасность в борьбе с оргпреступностью и наркобизнесом. Так, в г. Игуале (штат Герреро) в ночь с 26 на 27 сентября 2014 г. произошло трагическое событие, связанное, как выяснилось, с преступными действиями одного из наркокартелей и коррупцией местной власти: были убиты 26 студентов педагогического училища и 43 пропали без вести. Но правящие круги проявили инертность в раскрытии этого преступления. Общенациональное движение студенчества наряду с движением родственников пропавших студентов за право на расследование случившегося и безотлагательную реформу судебной системы с участием граждан, их обращение в Комитет по правам человека ОАГ и вынесение вердикта о нарушении прав человека в Мексике, а также образование нового неформального объединения граждан по поиску пропавших студентов и наказанию виновных — все эти

факты стали свидетельством углубления конфликтогенной ситуации между федеральной властью и обществом.

Действенным выходом из создавшейся сложной политической обстановки становится активизация независимых ассоциаций средних городских слоев — ученых, профессоров, предпринимателей, интеллигенции и студенчества, которые превращаются в центры новых креативных идей и движущую силу общественного развития. Факты свидетельствуют о том, что с помощью проектов, внесенных в Конгресс союза по вопросам совершенствования конституционных реформ (телекоммуникационной, нефтяной, образования и др.), члены этих ассоциаций могут влиять на управление государством со стороны гражданского общества. В ноябре 2015 г. в парламент был представлен новый проект о корректировке модели экономического развития Мексики с акцентом на социальную направленность, подготовленный большой группой исследователей. Как завершающий важнейший этап интегральной реформы государства и ее эффективности был предложен проект закона о новой конституции страны. Таким образом, стремление ассоциаций средних городских слоев включиться в разработку национальной стратегии по реформированию институтов государства, как представляется, не только послужит важной основой для смягчения и урегулирования конфликта, но и для развития Мексики по пути совершенствования форм взаимодействия и партнерства власти и гражданского общества в соответствии с требованиями времени, резюмировал докладчик.

Канд. полит. наук, старший научный сотрудник ИЛА РАН **Татьяна Александровна Воротникова** проанализировала **факторы социально-политической стабильности в Боливии**. Как было отмечено в докладе, лидер этой страны Эво Моралес Айма, возглавляющий Движение к социализму (Movimiento al Socialismo, MAS) и переизбранный в 2014 г. на очередной президентский срок, вот уже второе десятилетие остается одним из наиболее популярных политиков Латинской Америки. За это время Боливия преодолела хаос политических кризисов, обеспечив социальную стабильность, наличие устойчиво развивающейся экономики и партисипативность граждански активного общества.

Положительным изменениям в стране способствовал целый ряд факторов. Благодаря принятому законодательству правительству удалось поставить экономику на новые рельсы. Макроэкономические показатели свидетельствуют о достаточно высоких на фоне общерегионального спада темпах ее роста, колеблющихся в пределах 5—5,5%. Благосостояние этой небольшой страны, богатой природными ресурсами, зависит в первую очередь от экспорта продукции нефтегазовой промышленности. Добыча углеводородов, ведущаяся крупными иностранными компаниями, перешла под контроль государства, после чего отчисления в национальный бюджет существенно возросли. В настоящее время наблюдается ежегодное увеличение объемов экспорта углеводородов и других полезных ископаемых (золота, цинка, меди, олова и серебра).

Благодаря социальным реформам за несколько лет в разы сократилась доля бедных (с 64 до 36,3%) и проживающих за чертой нищеты (с 35 до 19%). По темпам преодоления бедности в сельской местности Боливия вышла в лидеры региона. Значительно снизился уровень безработицы, увеличились минимальная оплата труда и среднегодовой доход населения. Тем не менее рост благосостояния городских слоев нарождающегося «индейского среднего класса» будет рождать новые вызовы и ставить новые задачи перед государством. Об этом свидетельствовали результаты муниципальных выборов 2015 г., на которых правящая партия утратила часть

своих позиций. Кроме того, на референдуме в феврале 2016 г. боливийцы высказались против возможности переизбрания президента на третий срок.

Важную роль в реформировании государства и общества сыграла «индейская карта» (около 40% населения принадлежат к коренным этносам). Индейскому населению, ставшему в начале века активным участником социальных волнений, организованных профсоюзными и общественными организациями, были предоставлены широкие права. Принятие новой конституции и индихенистских законов гарантировало индейским народам представительство во всех органах власти, возможность самоопределения в рамках территориальной автономии и ряд других полномочий. Президент Э.Моралес, этнический аймара, стал символом восстановления исторической справедливости в отношении угнетенного большинства и национального достоинства индейской Боливии.

Одним из ключевых преобразований стала аграрная реформа, призванная провести ревизию земельного фонда и стимулировать сельскохозяйственное производство. Максимальные размеры земельных наделов были уменьшены с 50 до 5 тыс. га. Предпринятые шаги позволили сократить долю крупных землевладений. Более трети обрабатываемых угодий находятся в коллективном пользовании. Преобразования привели к структурным трансформациям в деревне, которые означали переход от традиционной конфронтации между безземельным крестьянством и крупными собственниками к балансу интересов между государством, индейскими общинами и крестьянскими союзами.

Первые годы пребывания у власти лидера-индейца были отмечены масштабным оппозиционным движением в восточных департаментах страны. Речь шла о предоставленной политической и экономической автономии регионам, производящим львиную долю сельскохозяйственной продукции и являющимися центром нефтегазовой индустрии. Градус напряженности удалось снизить путем достижения политических компромиссов и договоренностей, обеспечивших сотрудничество власти и крупного бизнеса. Примером такого консенсуса может служить политика в отношении влиятельных производителей сои в департаменте Санта-Крус.

Позднее правительство оказалось вовлеченным в резонансный конфликт вокруг строительства федеральной трассы через национальный парк, находящийся на территории исконного проживания индейских племен. Протестные марши, блокирование жизненно важных магистралей и многочисленные манифестации, участником и лидером которых в недавнем времени был сам Моралес, стали визитной карточкой боливийской политики. Этот конфликт выявил новые противоречия в обществе. Правительство стало заложником ситуации, в которой, чтобы предотвратить социальный взрыв, было необходимо одновременно учесть требования индейских общин, организаций защитников окружающей среды, интересы транснационального капитала и федераций крестьян, выращивающих коку.

Культивирование этой наркосодержащей культуры выходит за рамки внутригосударственной проблемы, но в то же время является особой национальной спецификой. Боливия остается одним из крупнейших производителей коки и кокаина. В то же время правительство предпринимает успешные шаги по сокращению незаконных плантаций куста до разрешенного минимума. Одновременно оно призывает разделять преступный бизнес и выращивание растения в традиционных целях, не наносящих вреда здоровью населения. Учитывая остроту «фактора коки», политика защиты прав крестьян-кокалерос находит поддержку среди населения.

Завершая выступление, докладчик резюмировал: в целом развитие социальной и политической ситуации свидетельствует о том, что процессы, происходящие в Боливии, во многом отвечают ожиданиям большинства граждан страны и определяют стабильность в обществе.

Как отметил канд. полит. наук, научный сотрудник ИЛА РАН **Александр Александрович Шинкаренко**, в отличие от стабильной Боливии **социальные протесты в Эквадоре** поставили перед главой государства Рафаэлем Корреа новые вызовы. Массовые акции с участием несогласных с экономической политикой правительства, начавшиеся в 2015 г., к концу августа приняли неожиданный оборот. Кульминацией стал разгон полицией демонстрантов в столице. Важной особенностью этих протестных акций стало участие в них широких слоев общества, включая представителей коренного населения.

В начале лета 2015 г. в крупнейших городах страны — Кито и Гуаякиле — начались протесты против законопроекта о повышении налога на наследство и прибыль. Протестующие заявляли, что данный документ может негативно отразиться на положении их семей, а также среднего класса и предпринимателей в целом. В свою очередь глава государства подчеркнул, что 98% эквадорцев не испытают на себе последствий действия данного закона и заявил, что «богатые борются с правительством бедных». По его мнению, акции протеста дестабилизируют ситуацию и наносят ущерб социальной политике, проводимой правительством. Р.Корреа заявил, что «правая оппозиция намерена захватить президентский дворец» и призвал своих сторонников всячески поддержать действующее правительство. Подобное заявление главы государства появилось в тот момент, когда представители профсоюзов и правые оппозиционеры призвали к массовым акциям протеста в центре эквадорской столицы. В то же время правительство старалось смягчить социальную обстановку в преддверии визита Папы Римского Франциска, который намеревался совершить поездку в Эквадор, Боливию и Парагвай. Уже в начале августа акции протеста поддержала Конфедерация коренных народов Эквадора (Confederación de Nacionalidades Indígenas del Ecuador, CONAIE), ныне находящаяся в оппозиции к действующему политическому режиму. Индейские лидеры объявили массовый поход на столицу страны для участия во всеобщей забастовке. В дальнейшем массовые акции протеста охватили разные регионы Эквадора, к экономическим требованиям добавились и политические, связанные с попыткой Корреа внести изменения в действующую Конституцию, позволяющие президенту переизбираться неограниченное число раз.

Как отметил докладчик, в период первого президентского мандата Корреа в 2007 г. CONAIE была его союзником. Тогда камнем преткновения интересов коренного населения и правительства была Конституционная ассамблея. После принятия Конституции 24 июля 2008 г. индейские активисты стали устраивать массовые манифестации протеста против нового закона о добыче полезных ископаемых. На этот раз готовность коренного населения к массовым выступлениям проявилась в его участии во всеобщей забастовке совместно с Единым рабочим фронтом (Frente por la Unidad de los Trabajadores, FUT). По мнению представителей CONAIE, президент не выполнил своих обещаний по изменению структуры государства, спустя восемь лет его пребывания у власти богатство все еще сконцентрировано в руках узкой группы людей, государственная политика проводится в интересах крупных корпораций, в то время как простым гражданам достается лишь незначительная часть «нефтяного пирога».

В ходе беспорядков протестующие прибегли к блокаде транспортных артерий и уличным манифестациям, наряду с профсоюзными активистами и представителями индейцев в акциях участвовали студенты, врачи, общественные организации, а также сторонники левых партий. Протестующие перекрыли Панамериканское шоссе, соединяющее Север и Юг страны; баррикады появились и на различных участках трассы в центральных провинциях Пичинча, Котопахи, Тунгурауа, Боливар и Асуай на Юго-Западе; в амазонской части Эквадора были предприняты попытки блокировать дороги в Морону-Сантьяго и Самору-Чинчипе. Участники социальных протестов подчеркивали, что не будут поддаваться провокациям и прибегать к насилию. Тем не менее 14 августа в центре столицы имели место столкновения с полицией, которая использовала слезоточивый газ для разгона забастовщиков, многие руководители протестных акций были задержаны. В восточной провинции Морона-Сантьяго в ходе беспорядков получили ранения не менее восьми полицейских, когда около 150 человек с копьями напали на стражей порядка, охранявших здание регионального департамента образования. Таким образом представители коренного населения выражали несогласие с политикой властей и требовали отставки губернатора.

После столкновений с силами правопорядка и задержания участников акции глава государства заявил о победе демократии и в очередной раз подчеркнул, что за этими событиями просматривается попытка определенных кругов дискредитировать «прогрессивные правительства Латинской Америки».

Последняя группа индейских активистов, находившаяся в центре Кито в течение десяти дней после указанных событий, покинула столицу лишь 24 августа, заверив, что протестные акции коренного населения продолжатся в самое ближайшее время. Не исключено, что именно под давлением протестующих в ноябре 2015 г. Корреа принял решение «по политическим мотивам» не участвовать в президентской гонке 2017 г., хотя реформированная конституция предоставляла ему такую возможность.

Итоги «круглого стола» подвел **З.В.Ивановский**. По его мнению, основанному на предварительных итогах исследований, усиление турбулентности в Латинской Америке объясняется как объективными факторами, так и субъективными просчетами руководства отдельных стран. Конфликтогенность в какой-то мере заложена в самих политических системах, характеризующихся президентской формой правления (с сильными тенденциями к гиперпрезидентству и приоритету политического лидерства над государственными институтами) при фрагментированной многопартийной системе. В период «золотого десятилетия» (2003—2013) большинство государств региона, особенно леворадикальные сторонники «социализма XXI века», благодаря высоким доходам от экспорта углеводородов смогли существенно изменить социальную ситуацию, заметно снизив уровень бедности, повысив долю средних городских слоев и улучшив систему образования и здравоохранения. В условиях мирового экономического кризиса и падения цен на основные экспортные товары распределительная модель, основанная на сильном государственном регулировании, перестала функционировать, правительства оказались не в состоянии удовлетворять высокие социальные ожидания населения. Благоприятная экономическая ситуация не была использована для диверсификации и модернизации экономики и уменьшения зависимости от «ресурсного проклятия». Дополнительными факторами нестабильности стали низкий рейтинг некоторых президентов, политическая фрагментация, коррупционные скандалы, высокий уровень

насилия и отсутствие личной безопасности, снижение популярности политических партий, используемых не для представительства интересов граждан, а в качестве инструмента для прихода к власти тех или иных политических лидеров. Сказалась и политическая усталость электората из-за длительного пребывания у власти одних и тех же политических сил и/или лидеров.

Необходимость оздоровления экономики в совокупности с политическими факторами привела к смене курса: по время нового электорального цикла политический маятник в очередной раз качнулся вправо, победившие на выборах или уже находившиеся у власти партии вновь взяли на вооружение подвергавшиеся критике многие неолиберальные рецепты. Поскольку принятие антикризисных мер неизбежно связано с сокращением субсидий и урезанием социальных расходов, в краткосрочной перспективе конфликтогенные факторы будут сохраняться.

Дискуссия и обмен мнениями показали, что обеспечение политической стабильности в Латинской Америке по-прежнему стоит на повестке дня. Очевидно, что эта проблематика является крайне актуальной и требует дальнейшего изучения.

Материал к публикации подготовил З.В.ИВАНОВСКИЙ
(z.w.iwanowski@gmail.com)

Social and Political Conflicts in Latin America

Abstract. On November 26, 2015 the Center for Political Studies at the Institute of Latin America of Russian Academy of Science held a “round table” dedicated to the problem of stability in the Latin American region. Despite the fact that the situation in Latin America is relatively prosperous, due to the global economic crisis most of the your countries entered a zone of turbulence. In this regard, the panelists discussed the methodology for the study of conflicts and analyzed the basic conflict-generating factors (drug trafficking, migration, mass protests, etc.). Some research scholars examined case studies. This article includes the reports presented on the “round table” and the amendments made to them later.

Keywords: social and political conflicts, drug trafficking, (in)stability, migration, social protests, typology of conflicts.